

Барон Генрих Йордис фон Лохаузен

ОПАСНОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Из сборника «Мужество ради идентичности»

Альтернативы принципу равенства / под редакцией Пьера Кребса.

ISBN 3-922314-79-1

© Пьер Кребс, 1988 год

От редактора:

Мы переживаем политический перелом: старый спор между, «правыми» и «левыми» в сфере социальных вопросов утрачивает свою силу. Официальные правые и левые все больше начинают заключать друг друга в идеологические объятия, за которыми тут же следуют политические: они обнаружили общность в том, что касается дальнейшего существования так называемой западной цивилизации, а именно, прежде всего, в тех областях этой цивилизации, которые можно оценить лишь негативно: в областях ее властно-структурных, эгалитаристских, экономических и универсалистских «ценностей».

Эта книга хочет сделать что-то против этого. Отдельные статьи в ней указывают, что развивается новая разграничительная линия, на сей раз – между привержен-

цами космополитизма и сторонниками этнокультурной идентичности. В наше время отчужденности от культурного творчества и традиции народа стало необходимым описать корни идентичности, духовного самосохранения и саморазвития отдельного человека, а также различных жизненных и культурных общностей, сделав из этого в дальнейшем основу аргументации для обоснованного противостояния духу недееспособности, разложения и разрушения.

Новые дискуссии о проблематике иммиграции и многорасового, мультикультурного и смешано-культурного общества, об утрате культурного наследия и традиции народа, а также о техническом прогрессе всегда, что характерно, ставят решающий вопрос об идентичности. Также и угрозы военного и экономического характера находятся в центре дискуссий об идентичности. В борьбе против универсальной смешанной культуры следует объединить национальные европейские идентичности, рассматривая их как дополняющие друг друга, и не противопоставляя их между собой. Необходимо дополнить национальную идентичность на более высоком уровне (Европа) и укоренить ее на уровне более низком (регионы). *Мужество ради идентичности* защищает модель гетерогенного мира гомогенных народов, а не наоборот!

Об авторе:

Генерал барон Генрих Йордис фон Лохаузен (1907 - 2002), австрийский военный ученый, геополитик. Изучал право, служил в австрийской армии, после Аншлюса – в Вермахте, в т.ч. был офицером связи фельдмаршала Эрвина Роммеля в итальянской танковой дивизии «Ариете», и военным атташе в Риме. Участник Восточного похода. Командовал полком. После 1945 года работал на Радио Бремена, затем на австрийской радиостанции Альпенланд, после восстановления австрийской армии (Бундесхеер) продолжил службу в ней. Был военным атташе Австрии в Лондоне и Париже. Видный специалист геополитики, представитель европейских «Новых правых».

Лохаузен был убежденным сторонником создания Европейской империи от Кадикса до Владивостока и понимания Европы как части Евразии, противостоящей в общей семье евразийских народов как экспансии Китая и других народов Дальнего Востока, так и Америке, осуществляющей экономическую, политическую и культурную эксплуатацию Европы.

Опасности географического положения

Насколько безопасна Европа?

Настолько же небезопасна – можно было бы сказать – насколько это соответствует рискам ее географического положения, и настолько же безопасна, как позволяет ей ее потенциал устрашения. Опасности географического положения не подлежат изменениям, а достигнутым потенциалом устрашения могут распоряжаться сами

европейцы по своему усмотрению. Кто не разбрасывается, не распыляет свои «агрессии», но подчиняется военной дисциплине, кому воля доказать свою силу и честь дает в руки оружие, тот даже в самом рискованном положении может выжить и защитить свою свободу.

Поэтому безопасность это сначала вопрос соседства и только потом – соответствующей этому соседству вооруженности. Союзы могут временно заменить такую вооруженность, но никогда не заменят ее на длительный срок. На длительный срок у каждой страны есть всегда армия, которую эта страна заслуживает – либо своя, либо чужая. Своя – как однажды заметил один финский военный писатель – лучше.

Следовательно, кроме геополитического ответа поставленный вопрос требует дать еще и психологический ответ. Дать оба ответа для Европы, это означает поставить ее потенциал устрашения в соответствие с силой ее воли по отношению к себе самой.

Меру угрозы можно легко считать с географической карты. Европа не может отодвинуться ни от близкой России, ни от Атлантики. Поэтому только фактор «положение» представляет собой постоянную величину в основании решаемого здесь уравнения. Европа вызывает желания не только у европейцев. Она лежит в остром углу между Средиземным морем и Атлантикой, блокирует все доступы евразийской земельной массы к этому океану и контролирует доступ к Индийскому океану. Поэтому ее безопасность зависит от того, сама ли она является хозяином этих путей или ими владеют чужие силы.

Третьей возможности здесь нет. Тот, кто сможет, тот овладеет европейскими побережьями и станет пользоваться преимуществами, которые те могут предложить всем соседям – африканцам, азиатам или американцам.

К тому же Европа связана не только через свое широкое сарматское предполье с афро-азиатской сушей, но, кроме того, еще тремя двойными предмостными укреплениями (см. схему). Помимо исключения любой атомной угрозы ее безопасность требует, таким образом, надежного контроля того предполья и еще трех предмостных укреплений – скандинавского атлантического и малоазиатского – а также контроля северной Атлантики, Средиземного и Красного морей.

Из трех предмостных укреплений наиболее небезопасны как северное, скандинавское, так и юго-восточное, малоазиатское, а юго-западное, атлантическое, только лишь на собственной – испанской – стороне находится в европейской руке. Более трети европейского полуострова подчинено силе внешней власти; оставшаяся часть золотыми цепями прикована к воле заокеанских финансовых олигархов. К опасностям положения Европы при этом нужно прибавить еще – гораздо более тяжелые – опасности ее зависимости. Сегодня Европа – это больше не суверенный субконтинент.

Субконтинент наведения мостов

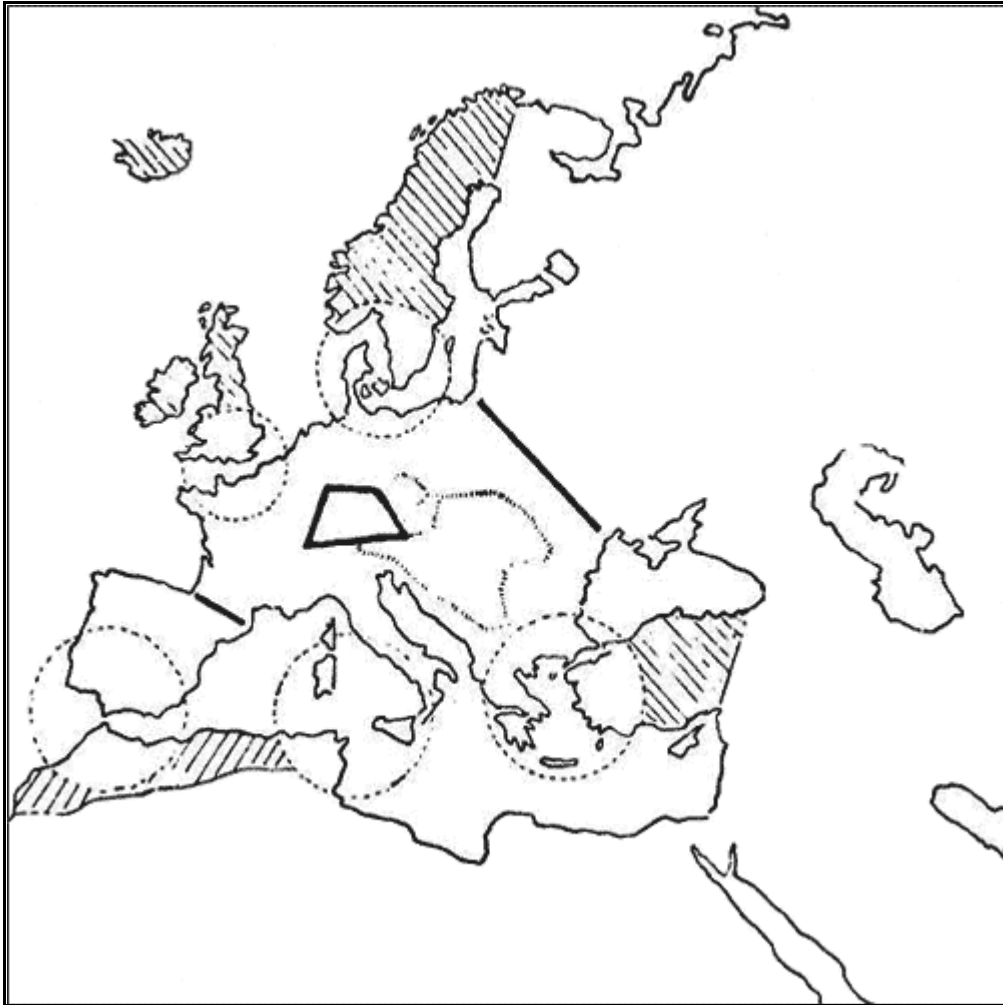

Схема 1

Малая Азия, Скандинавия, Британские острова, а также Северная Африка к северу от Атланта – это продолжения европейского полуострова по ту сторону окружающих их морских проливов. Напротив, Испания, апеннинская Италия и северо- и западноэгейские страны являются продолжениями Передней Азии и Африки на европейской земле.

Посреди этих пяти мостовых ландшафтов лежит, никем из них не потревоженная, еще как часть европейской активной зоны, однако как закрытая в себя область южнонемецкая трапеция. Расположенная между Вогезами и Богемским лесом, Альпами и немецкими Средними горами, она состоит из экономических районов верхних течений Рейна и Дуная (вместе с участком от Ааре вплоть до Эннса к северу до Северного моря – не как Дунай на восток, к Черному морю – стремящимся притокам и представляет собой наряду с тремя другими (Богемия, Моравия и долина Дуная) четвертый, самый западный и в то же время самый внутренний из четырех больших европейских внутренних ландшафтов.

Колыбель белых

Поверхность земли распадается на две половины: Тихий океан и все прочее. Все прочее, это два материка и Атлантика. У Атлантики и являющейся ее продолжением Арктики – повернутых друг к другу – от Ла-Платы до Макензи и от Конго до Лены лежат самые большие речные бассейны земли.

Обрамленная широкими равнинами, тонкая Атлантика – является поэтому главным образом связывающим континенты океаном, тогда как Тихий океан – их разделяющим. Он разделяет также белую расу и желтую расу, две последние великие расы, которые, после уничтожения индейцев, остались носителями культуры. Вплоть до насильственного открытия китайских и японских портов внутренне-евразийская степь была главным полем их встречи, позже к ней добавилось море. Ее драматический апогей, еще худший, чем все опустошения Чингисхана: две атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки.

С 1945 года шаткая, болезненная от благоденствия белая раса противостоит трем угрозам: чужим силам на Востоке (Китай, Япония и т.д.), проникновению чужаков с Юга¹ (Африка, Центральная Америка) и возрастающим сомнениям в себе самой.

Самые большие поля сражения внутреннего подрыва лежат в областях Нового Света. Но также и у русских враг стоит не только *перед* дверью. И в собственном доме они тоже оказываются перед угрозой возрастающего и вызывающего опасения своим размером увеличением численности азиатов. Обе силы больших пространств севера в этом отношении стоят с Европой на одном фронте. Все еще самое плотное скопление белых людей находится там. Дать им зачахнуть на узком полуострове, не пойдет на пользу ни России, ни Америке.

Середина континентов

Концепция наших атласов представляет нам землю преимущественно в качестве западно-восточного измерения, как двукратное чередование воды и суши: Старый Свет, Атлантика, Новый Свет, Тихий океан. Основные судоходные пути еще сильнее подчеркивают это.

Можно проплыть вокруг Земли через Панаму, Сингапур, Суэцкий канал, Гибралтар или в противоположном направлении. Но летать можно и над Северным полюсом, и смертоносные межконтинентальные ракеты настроены как раз на эту дорогу. Более в духе времени поэтому изображение земли с полюсами, не с экватором в середине. Оно показывает нам две очень неравные картины: северное полушарие как место стягивания к Арктике континентальных земельных масс, южное как поле вращающихся вокруг южного полюса морей: здесь крайнюю нехватку земли, там концентрацию континентов. Все континенты земли расширяются к северу. Три четверти их массы, в том числе почти все страны умеренной зоны лежат к северу от экватора. Почти вся известная история Земли происходила здесь. Здесь вокруг

Арктики, между 40-ым и 50-ым градусами широты находятся главные центры тяжести мировой политики: Вашингтон – Париж – Берлин – Москва – Пекин – Токио. Северная Америка и Северная Евразия считаются ключами к остальной земле. Здесь на крайнем северо-западном конце Старого Света лежит как середина всей земной суши Северная Америка как раз напротив полуострова Европы. Вопреки ее возрастающему уменьшению силы мир и сегодня все еще евроцентричен, столицы обеих белых мировых держав лежат все еще далеко от их природной середины, а именно вместо озера Мичигана и Аральского моря в самой возможной близости к Европе: Нью-Йорк и Вашингтон непосредственно напротив Лондона и Парижа, Москва и Ленинград непосредственно напротив Берлина и Стокгольма. Потому что по-прежнему мировое господство зависит от владения Европой, местность к северу от Парижа обозначает точную середину больше всего покрытой землей половины поверхности Земли (схема 2). Как ее антипод Новую Зеландию окружают океаны, так вокруг Европы собираются континенты². Западное продление Азии, северное – Африки и ближайший незамерзающий противоположный берег Северной Америки, эта Европа на юге расширение тропиков, на западе партнерство Нового Света, на востоке недостающее пространство. Возможность всемирного доминирующего положения так же заключена в этом положении как и потенциальная деградация до американского заморского плацдарма и возможность превращения в западную провинцию Азии или северную – Африки. Так или иначе, однако, но то ли как зависимые, то ли как свободные или как повелители европейцы остаются в фокусе мирового процесса. Европа не может отодвинуться ни от соседства России, ни от соседства Атлантики. Изоляция от мира, свойственное странам южных морей, для нее невозможна. Раз и навсегда остается она естественным выходом северно-евразийских равнин, воротами к Атлантике. Такое положение не оставляет его жителям на длительный срок никакого иного выбора как между подчинением или широко излучающей силой.

Середина населенного мира

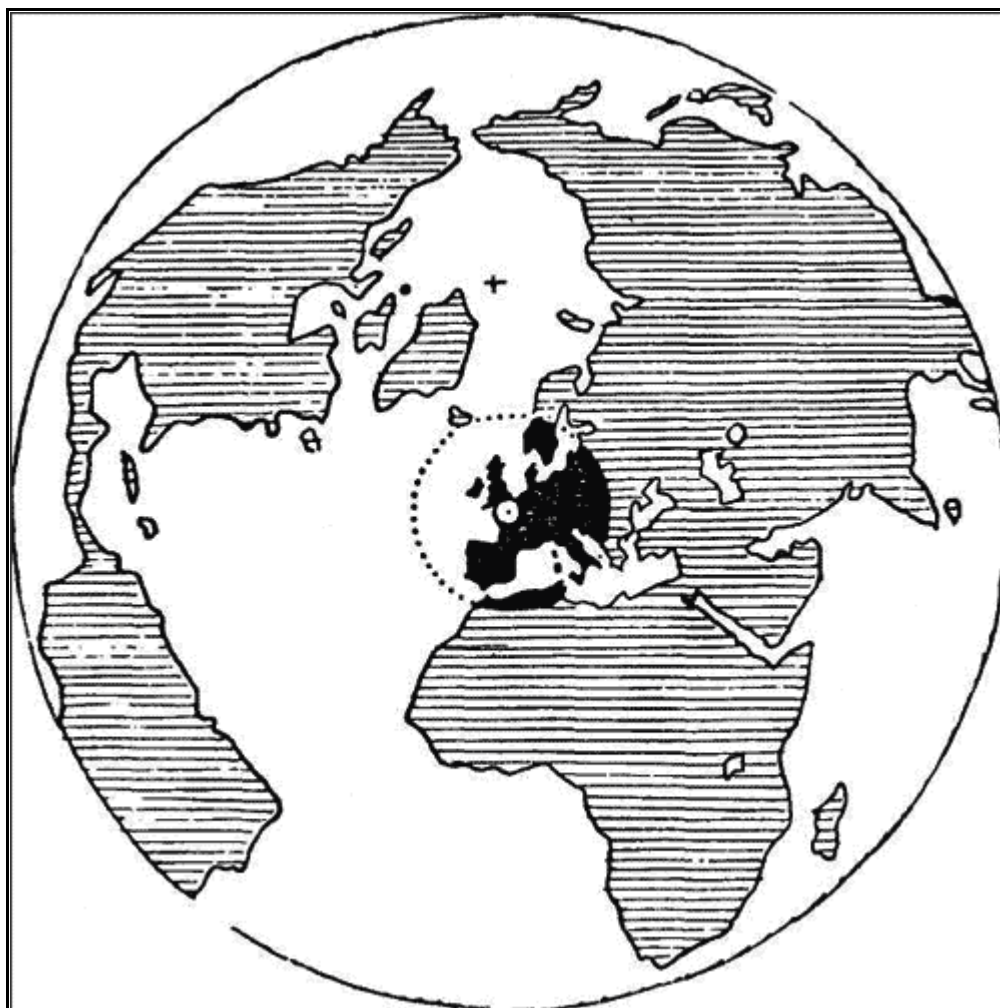

Схема 2

Европа – и в пределах Европы Северная Франция – обозначает середину больше всего покрытого страной полушария, северная Атлантика самую короткую незамерзающую связь Старого и Нового Света.

Повернутая от Европы сторона мира охватывает кроме Антарктики только Австралию, Зондский архипелаг, Новую Зеландию, Аргентину и Чили.

Этой силы Европа лишилась по собственной инициативе. Всего за 30 лет две войны, в которой были виновны и Лондон с Парижем, привели к досрочному концу ее господства. В начале двадцатого столетия в Европе находились четыре из в общей сложности семи мировых сверхдержав, и в 1914 году она наслаждалась еще всеми плодами гегемонии, в которой Америка, Россия и Япония участвовали только как аутсайдеры. Британский флот гарантировал беспорное владычество Европы на морях, немецкая армия – на суше. Это длилось так долго, пока существовало негласное немецко-британское, лучше еще немецко-французско-британское соглашение, до тех пор пока европейцы хоть и не были союзниками друг другу, но все же терпели один другого, и мир сохранялся, а с ним сохранялась также и гегемония.

Неизбежно, тем не менее, она должна была пропасть, как только могущественные силы внеевропейского мира втянули Европу в ее внутренние конфликты. Неизбежно Первая мировая война разбила господство европейцев, Вторая мировая уничтожила ее независимость. «Когда русские и американцы весной 1945 года обнимались около Торгау на Эльбе, излучая радость, больше не стало – согласно словам одного французского военного писателя – независимой Европы»³.

Потому что дело не в том, кто в войне был на стороне победителя, а кто нет, а только в том, кто вышел из войны более сильным, а кто более слабым, кто остался независимым, а кто попал в зависимость. Силы большого пространства выиграла свою войну в Европе, и вся Европа, а не только Германия, ее проиграли. Вашингтон здесь стал наследником Лондона, а Москва – Берлина. Этот упадок – результат самоубийственных союзов. Дважды по очереди Франция и Англия объединились для подавления Германии с внеевропейскими силами больших пространств – с Америкой и Россией. Во второй раз Германия ответила сначала (1939) попыткой пакта о ненападении с Россией, затем (1942) Стальним пактом с Японией. Все эти союзы рикошетом ударили по Европе. Как их последствие британский „grand fleet“ отправился на переплавку после 1945 года, а «Оставшаяся Европа» обесценилась до уровня американского заморского плацдарма. Бастионами на Дунае и Балтийском море (Австрия и Пруссия) пожертвовали, расширяющие тропические области растворились в Черной Африке, и вместе с ними было потеряно и фланговое прикрытие Сахары. Европа как самостоятельная сила прекратила свое существование.

Статичный и динамичный основной вопрос

Если бы воля европейцев была бы здесь судьбой Европы, то следующим было ее положение. Страна вроде Чили может при случае без большого ущерба для себя выйти из мировой политики, страна в Европе не может, ни одна европейская страна не может этого, и меньше всего – как еще будет объяснено – Германия.

Европа – точнее северная Франция, пространство вокруг Парижа – образует геометрическую середину больше всего покрытой землей половины поверхности Земли (схема 2). Больше чем 96 из 100 всех людей живут на европейской стороне мира. Европа не может избежать ни этого ее центрального промежуточного положения, ни близости к России или к Африке. Ей придется жить с ними, а пойдет ли это Европе на пользу или во вред, зависит от нее самой⁴.

Три граничащие последовательно друг с другом страны образуют позвоночник европейского полуострова: Испания, Франция и Германия. Испания: ее голова, в то же время страж ворот Средиземного моря, моста в Африку и трамплина через Атлантику⁵.

Франция: ее единственное внутреннее пространство, особый случай кельтской великой державы с германским именем, но с романским языком, поворотный круг между Англией и Италией, Испанией и Германией. Германия: ее промежуточное

помещение с открытыми на семь сторон дверями. Крест координат между океанским и континентальным, северным и средиземноморским мирами.

Эти три страны обозначают продольную ось Европы. Три другие ее поперечную ось: Скандинавия, Германия и Италия и еще три другие ее диагональную ось: Англия, Германия и Балканский полуостров.

Все три оси находят свое продолжение в естественных основных линиях соседних континентов: европейская *продольная ось* начинается на Огненной Земле, достигает Европы через Бразилию и Западную Африку и попадает через Сибирь и Аляску снова на Огненную Землю. *Поперечная ось* связывает Нордкап с Мысом Доброй Надежды и, пронизывая Восточную Африку, Египет и Грецию, снова возвращается к Нордкапу. *Диагональная ось* попадает от Аляски через Ньюфаундленд в Ирландию и ведет дальше через Переднюю Азию, Индию и малайскую группу островов до Тасмании. Четвертая, наконец, *средняя ось* между первой и третьей, следует за основной линией Евразии через Украину и Центральную Азию в Корею (схема 3).

Итак, всего есть семь таких осей. Четыре из них касаются Европы и пересекаются в сердце Германии. Из прочих стран ни одна не лежит более чем на одной из них. Если Франция обозначает, таким образом, статичную середину земных континентов, ее точный геометрический центр, то Германия их динамичный центр (схема 3) – различие, которое едва ли меньше повлияло на оба затронутых народа, чем настолько различная ясность их окружения. И то и другое более помогло французам в их склонности к сплочению, чем собирающимся охотно только для больших походов немцам. Если восточный русский ландшафт проникает также глубоко в Европу, достигая здесь Гарца и Нижней Эльбы, то Россия – это, тем не менее, не Европа, а заканчивается она там, где бесформенная евразийская земельная масса переходит в расчлененный полуостров: в узости между Балтийским морем и Черным морем, между Кенигсбергом (или Ригой) и Одессой (схема 4).

Всемирная точка пересечения – Германия

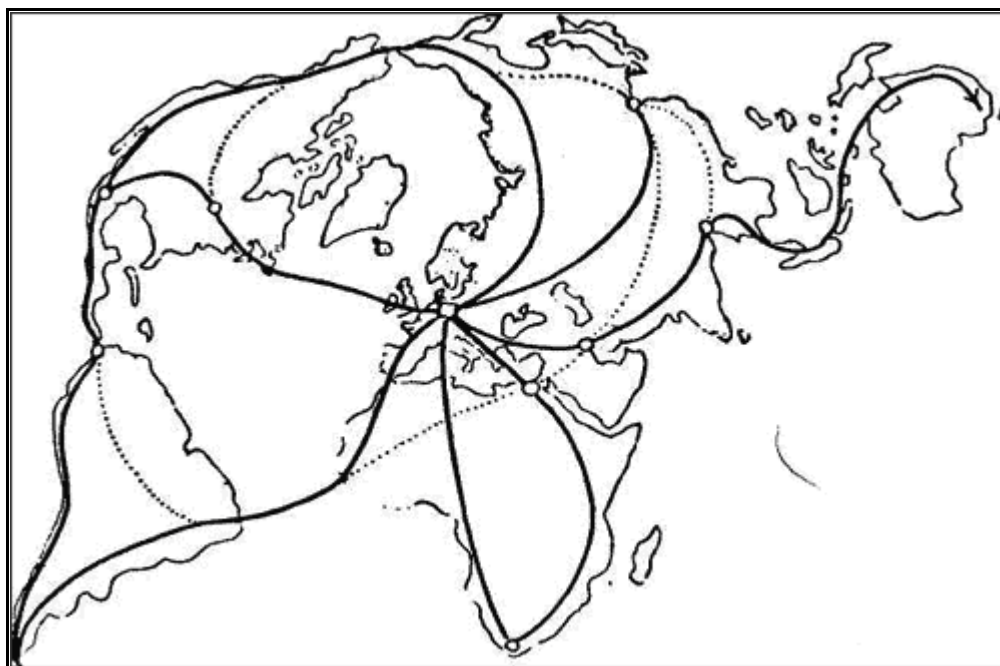

Схема 3

— радиальные (европоцентричные) оси периферийные оси
5 из 7 геополитических основных линий идут через Европу.
Они все пересекаются в Германии.

Европа – это подарок моря. Атлантика придала форму ее правому флангу, Средиземное море – ее левому. Вместе, они четко высекли из ее образа три ясно отличающиеся друг от друга части:

- Пиренейский полуостров образует передний сегмент,
- Средний сегмент начинается оттуда и продлевается до линии Гамбург (Любек) – Триест (вплоть до узости между Северным или Балтийским морем и Адриатическим морем),
- Задний (тыловой) – следующее пространство до линии Устье Дуная – Кёнигсберг (вплоть до следующей узости, между Балтийским морем и Черным морем).

Три сегмента европейского полуострова

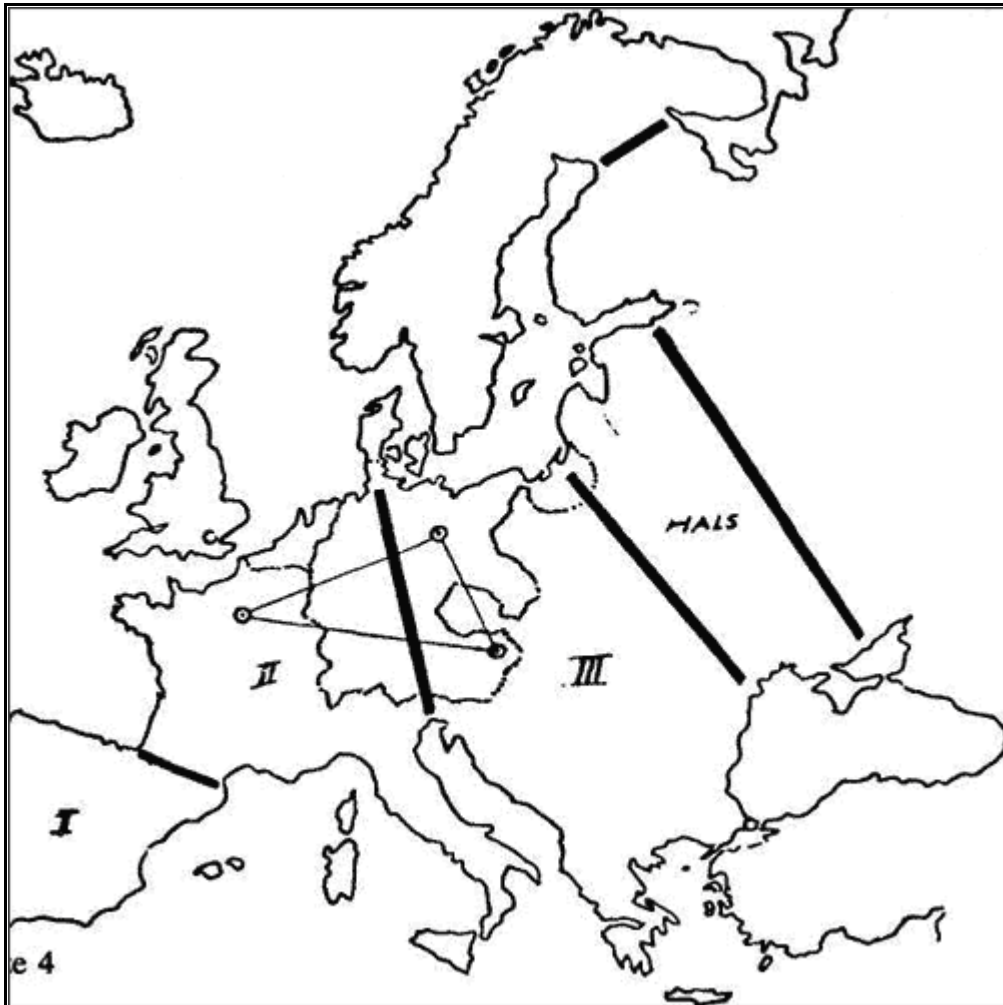

Схема 4

..... граница закрытого немецкого и нидерландского ареала (1937)

Средиземное море и Атлантика делят европейский полуостров на три отчетливо различающиеся части: Юго-запад, Центр и Восток (I, II, III). На востоке третьей части земля теряет характер полуострова, здесь примыкающее «горлышко» образует переход к евразийскому ландшафту материка.

Здесь между Балтийским морем и Черным морем заканчивается Европа, а не на совершенно маловажном с политической, стратегической и исторической точки зрения Урале. Чем, например, этот Урал связан со Средиземным морем? Что у него общего с римлянами и греками, с Исландией, Эддой, друидами, готикой, Ренессансом, испанскими и французскими королям, британским морским господством, что объединяет его с бенедиктинцами и доминиканцами, с Венецией и Флоренцией, австрийским барокко и немецкой музыкой, с Гранадой, Шартре и Нюрнбергом, с Потсдамом, Шёнбрунном и Версалем? Все это лежит на удалении от двух до пяти тысяч километров от него; даже олов европейского полуострова находится все

еще в двух тысячах километров от него, и, все же, это он должен представлять – именно он – границу Европы!

В рамках европейской истории вес этих трех частей неравен. Только средний – он совпадает почти точь-в-точь с империей Карла Великого – никогда не попадал (за исключением Сицилии и нескольких мест в Провансе) под внеевропейское господство, ни – как большие части Испании – под сарацинское правление, ни – как до сих пор еще все страны на восток от линии Триест – Любек – под власть ворвавшихся с востока чуждых народов. Эта средняя часть – к которой принадлежат по ту сторону Ла-Манша также Англия, Шотландия и Ирландия – это создатель и самый важный носитель нашего в узком смысле западноевропейского стиля. Его питательная среда достигает на востоке в следующей восточной части лишь той границы, куда добрались немецкие или итальянские (венецианские) поселения.

Этот третий сегмент – в своей южной части вообще сформированный не западноевропейским, а византийским и турецким влиянием и всюду по ту сторону границы распространения немецкого языка уже представляющий собой переход в Переднюю Азию и Россию, в 1945 году стал доменом панславизма, пространством-сателлитом Кремля, пусть даже и не в полной мере. Его границы еще полностью не выпрямлены, связь между северными и южными славянами не установлена, инородное тело Австрия не устранено, Адриатическое море не достигнуто, Греция еще не подчинена, граница между Востоком и Западом еще не та же, как перед основанием Остмарки как перед Карлом и как перед Отоном Великим.

Шесть основных ландшафтов Европы

Если ее побережья делят европейский субконтинент именно на обсужденные выше три части, то пересекающие Европу горы разделяют ее еще на шесть основных ландшафтов (без Скандинавии и Англии) – в том числе три полуострова: иберийский, итальянский и эгейский. Основной корпус образуют: на северо-западе франкский корневой ландшафт Европы, потом на юго-востоке большой бассейн Дуная и на северо-востоке территории к югу от Балтийского моря (в большинстве случаев несколько неточно названные «восточно-эльбскими землями»).

Почти каждый из этих шести основных ландшафтов породил в течение последних пяти столетий по крайней мере время от времени одну великую державу, три ландшафта европейского корпуса, например, державы Францию, Австрию и Пруссию (Париж, Вена и Берлин образуют внутренний треугольник классической европейской политики, Лондон, Петербург и Константинополь внешний).

Шесть основных ландшафтов европейского полуострова

Схема 5

..... граница немецкого и нидерландского ареала (1937)

Моря и горы делят европейский полуостров на семь основных ландшафтов, в том числе три полуострова: эгейский, Италию и Испанию. Они окружают европейскую (франкскую) активную центральную зону вместе с долиной Дуная, восточно-эльбским пограничным ландшафтом и расположенной через море Британией. Восточная Эльбия и область нижнего Дуная образуют европейский гласис.

Несколько меньших народов – баски, каталонцы, чехи, румыны и болгары – но также и украинцы заселили какие-то два из этих ландшафтов, большие западноевропейские народы, напротив, соответственно живут только в одном единственном, которое они наполняют либо совсем, либо как французы, по крайней мере, больше, чем наполовину. Только немцы живут аж в четырех, из-за чего оказывается, что с самого начала Германии вовсе не существует. А есть, не учитывая пока Южный Тироль – по меньшей мере, три Германии: западная и рейнская от Альп до Северного моря со взглядом на него и на Францию, затем вторая Германия от русла Дуная к соседнему европейскому юго-востоку и югу, и третья – на Эльбе, Одере и Висле по направлению к Скандинавии и России.

Последовательность этого перечня соответствует ходу немецкой истории. На Рейне лежал главный пункт Рейха от Каролингов до Гогенштауфенов. Габсбурги перетянули его к Дунаю, пруссаки на Шпрее. В настоящее время каждому из этих бывших основных центров соответствует собственное государство – Австрия, ГДР и ФРГ – каждое из них независимое от двух других, но все три в зависимости от третьих стран. (Работа генерала написана до падения Берлинской стены и воссоединения ГДР и ФРГ, в настоящее время можно сказать, что существует два германских государства – Германия и Австрия, но зависимость от заокеанской силы по-прежнему сохраняется – прим. перев.)

Эти три ландшафта стоят спиной к спине и стремятся – как и их реки – больше отодвинуться прочь друг от друга, чем сблизиться друг с другом. Так как там, где они касаются друг друга, где во Франции лежит Париж, в Италии Рим и в Испании Мадрид, у Германии лежат водоразделы и горы. Хотя разделившие страну по середине горы оставили неразделенным центральный котел: Богемию. И действительно географически наиболее удачно Германию можно охарактеризовать как «области вокруг Богемии».

Как ясно окруженный четырехугольник возвышается богемская цитадель над западногерманским, южногерманским и восточногерманским ландшафтам. Здесь была бы их естественная середина. Но уже вскоре после ухода маркоманов авары притащили сюда славянское племя. Это обстоятельство и окружающий Богемию пояс крутых гор дали ей способностью разделять, потому, в конце концов, несмотря на тысячелетнюю принадлежность к Германскому Рейху эта ее разделяющая роль перевесила роль объединяющую.

Таким образом, Германия больше, чем какая-либо иная страна в Европе, стала страной преимущественно ведущих в разные направления дорог.

Континент наведения мостов

Кто бы не овладевал Европой, он делает это ради ее господствующего положения на западном краю индоатлантического пути. Европа – это не только центр мира, это также касательная к Передней Азии и Северной Африке, область почти всестороннего наведения мостов: сначала на Босфоре и Дарданеллах, потом на проливах Сицилии, в Гибралтаре, около Кале и еще раз в районе датских островов. Действительно близость сарматской земельной массы не являлась до подъема московской великой державы определяющим фактором для истории европейцев (и для ее повседневного сознания она также еще сегодня таковой не является), а течение тех пяти тонких водных путей. Благодаря им Европа вопреки ее отделенности в виде полуострова превратилась в часть света с самыми далекими контактами (схема 1). Четыре европейских полуострова, балканский, итальянский, иберийский и ютландский, соответствуют трем полуостровам на другой стороне: Малой Азии, странам Атласа и Скандинавии. Кроме Ютландии они показывают спину всем ее основным странам. Балканы, Альпы, Пиренеи на одной стороне, горы Атлас, Армянское нагорье и на севере тундра Лапландии на другой образуют явные барьеры. Тем отчет-

ливее раскрываются те полуострова ее противоположного побережья, наиболее отчетливо в Эгейском море и около выходов из Балтийского моря. Результат – это четыре двусторонние, размещенные вокруг этих морских проливов мостовые ландшафты. По природе Скандинавия, Малая Азия и страны Атласа образуют естественные предмостные укрепления полуострова Европа. Так же Испания, Сицилия и Балканы, а также Ютландия на севере – это контрпредмостные укрепления на европейской стороне. Но, только владея плацдармами с двух сторон, только при обладании также ее противоположными берегами Европа превратится в полностью закрепленное между Арктикой и Сахарой единство. В то же время три из этих мостовых ландшафтов – скандинавско-ютландский, испанский, североафриканский и эгейский обозначают углы почти равностороннего треугольника с тремя отчетливо определенными фронтами, средиземноморским на юге – в его центре лежит Италия, атлантическим на северо-западе – с Британией в центре, и континентальным на востоке. Здесь, также в середине и на самом опасном месте вторжения лежит Германия. Этот треугольник – это прототип Европы.

Азия как изображение на карте в уменьшенном масштабе повторяет европейский полуостров: Переднюю Индию можно назвать соответствующей Италии, река Ганг соответствует реке По, Гималайские горы – Альпам, Цейлон – Сицилии, Кавказ – Пиренеям, европейская часть России напоминает в таком отношении Францию, Сибирь – Северную Германию, река Янцзы – Дунай, Индокитай и Индонезия находят свое соответствие в Греции – и т.д., также повторяется и четкое отделение севера от юга непрерывающейся от Испании до Индокитая цепью высоких горных хребтов. Так же Европа повторяет заостряющуюся в сторону запада и расширяющуюся на восток форму всего евразийского материка.

Исключительно атлантическая в Португалии, Англии или Норвегии, средиземноморская в Италии и Греции, континентальная в Швеции, Пруссии и Венгрии, эта Европа живет уже во Франции и Испании в постоянном напряжении между атлантическими и средиземноморскими основными чертами, в Германии между атлантическими и континентальными, здесь также с южных склонов Альп воздействуют уже и средиземноморские черты, так что эта тройственность духа всего европейского отражается даже в некоторых из европейских народов. С другой стороны, каждое перенесение в сторону одной или другой из этих трех сторон отражалось неизбежно всегда также на изменении внутреннего баланса. В зависимости от преобладания атлантических, средиземноморских или континентальных интересов европейцев, в зависимости от силы ее угроз на флангах или в тылу большее значение припадало соответственно западной, южной или восточной стороне полуострова. Каждый конфликт с силами славянского и туранского миров выдвигает на передний план территории на Балтике и Дунае, каждое более тесное соприкосновение с Северной Африкой и Ближним Востоком – страны Средиземного моря, каждое соединение с заокеанскими странами – западное побережье.

Не случайно лишь разгром венгров на реке Лех подтвердил немецкому королю его доминирующее положение в Европе, лишь крестовые походы обосновали затем богатство Венеции, а позже открытия испанских и португальских моряков одновре-

менно обесценили значение Балтийского и Средиземного морей. Встреча с востоком на долгое время перенесло силу и внимание Европы в Германию и Италию, открытие Америки перенесло их на атлантический берег, позже включение России в Европейский Концерт восстановил равновесие, пока Октябрьская революция снова не разрушила его. Открытая к Атлантике так же, как к Средиземному морю и равнинам востока, Европа в форме Испании располагает трамплином к Латинской Америке, в форме Англии – к Соединенным Штатам и Канаде, ее северо-восточные области открывают путь в Россию и Сибирь, а юго-восточные – на Ближний Восток. В то же время через Гибралтар, Сицилию и Крит она получает доступ в Африку.

В отчетливом противопоставлении к этому внеевропейскому соседству развивались пограничные державы – Англия, Испания, Австрия, Пруссия и Швеция. Они все лежат на флангах и углах полуострова, между ними наряду с Францией еще Западная Германия и Нидерланды образуют обширный европейский эпицентр (схема 4). Это повторяет в уменьшенном виде положение всей Европы. Как Европа лежит между Африкой, Северной Америкой и Азией, так и Франция расположена между Испанией, Великобританией и восточной частью материка. Преимущество этого центрального промежуточного положения оказывается проигрышем, если центры тяжести силы так распределяются по миру, что ее общий основной центр тяжести выпадает из немецко-французской корневой зоны полуострова или даже вообще из Европы. Это произошло с Францией при одновременном подъеме Пруссии и России в восемнадцатом веке, для Европы в целом, тем не менее, только после Октябрьской революции 1917 года. Она разделила белый мир на Востоке и Западе и не оставила между ними никакого связывающего центра. После этого основной центр тяжести находился отныне то в Москве, то в Вашингтоне, но общего центра больше не было. За одну ночь Европа из несущей середины превратилась в границу.

Критическая восточная граница

Независимость требует дистанции. У Европы на западе есть Атлантика, на севере Ледовитый океан, на юге двойной пояс Средиземного моря и Сахары. Это создает достаточные дистанции с трех сторон. На востоке такой дистанции нет. По ту сторону обеих великих держав Пруссии и Австрии ее в свое время гарантировала Польша, то свободно связанное литовско-великопольское полиэтническое государство, тот пояс феодальных вассалов в наполовину пустынных областях между Балтийским морем и Черным морем, за которым следовал на восток второй еще слабо заселенный пояс русских государств – Тверь, Москва, Новгород – а за ними почти еще неизвестная Сибирь и туранская Великая степь. Это было предпосылкой для прежней независимости европейского полуострова, свободы его торговли и подъема к мировому господству. С фронта и флангов море, а с тыла почти неограниченная, тогда почти необитаемая земля. До края так называемого «Нового времени» это соседство предоставляло Европе преимущества настоящего острова. Ей угрожали – до 1241 года – нападения кочевых народов Степи, но не было никакого притеснения со стороны постоянных сил. Ширина и одновременная пустота России прикрывали Европе спину. Этому предстояло измениться, как только эта пустота

бы исчезла. Чем сильнее огромное пространство между Карпатами и Амуром наполнялось людьми, тем более компактно становилась там постепенно собирающаяся сила и тем ближе она двигалась к границам. Тогда защита превратилась в угрозу, и этой угрозе, в конечном счете, предстояло со временем отразиться в жизни самой последней европейской деревни самым серьезным образом. Эта опасность скорее обострилась, чем устранилась поворотом Петра Великого к Европе. Впрочем, следующие двести лет расширили определяемый европейскими чертами мир до Тихого океана. Но тем самым перед Россией впервые всерьез встал вопрос, когда же из маленького полуострова на западе и в политическом плане выйдет то, чем он был с географической точки зрения – а именно маленький придаток гигантской сарматской материковой массы. Встречный вопрос, мог ли бы этот полуостров – со всеми ее заливами, косами и горами похожий на увеличенную Грецию – по собственному почину продвигаться вперед в континентальную ширину востока и одолеть их тут внутри, как Александр Великий победил империю персов, этот естественный встречный вопрос европейцев трижды за полтора века получал отрицательный ответ: В 1709 году под Полтавой, в 1812 году в Москве, в 1943 году в Сталинграде. Эти имена обозначают три поворотных пункта европейской истории, три попытки встретить появляющуюся опасность и перенести западный мир на равнины востока и укоренить его там. Все же, у этих трех попыток был разный вес. Только последний, во всяком случае, имел перспективу фундаментального успеха.

Упущенный шанс

Действительно нападение Немецкого вермахта в июне 1941 года представляет собой единственную предпринятую в правильное время попытку путем приобщения русско-сибирского пространства придать Европе неприступность настоящего континента, создать мировую державу на европейской основе. Она потерпела неудачу не из-за слишком далеко поставленной цели, а из-за программы ее проведения. Она не отличалась ничем от попытки Наполеона на 130 лет раньше: подчинить противника в результате уничтожения его армии. Но для этого у Германии не было, однако, ни достаточно людей, ни горючего, ни транспортных средств. Когда вермахт стоял в 1941 году перед Москвой, он сделал все, что мог. После этого нужно было больше уже не выигрывать битвы, а завоевывать сердца людей. Это было предварительным условием каждого длительного успеха с самого начала. Большое нападение на востоке имело смысл только в сопровождении усиленной рекламы продуманного психологического ведения войны и фанфар освобождения. Оно обещало успех лишь при условии следом следующего за ним пропагандистского нападения: образования «контр-правительства», роспуска ненавистных колхозов и разделения земли между крестьянами, использования армии Власова, использования эстонских, латышских, литовских, украинских и кавказских добровольцев и т.д. Так как всего этого не произошло, возможности ведения войны, которые в нужный момент не достигли перехода от чисто военной к действительно всеохватывающей стратегии, выдохлись, и поэтому раньше или позже Вермахт был обречен на поражение вследствие троекратного превосходства противника в территориальном, людском и материально-техническом отношении.

У немцев была неповторимая возможность связать право с властью, стратегическую логику с политической, разум географической карты с лозунгами самоопределения. Тем не менее они отказались от единственного чудесного оружия, которое когда-нибудь находилось у них в распоряжении. Они отказались, хотя именно благодаря объявленному в 1918 году американским президентом Вильсоном, хоть и преданному в 1919, праву на самоопределение – они достигли своих больших и бескровных успехов в 1938 году. Они были единственными, которые могли бы смело выступить за это, на них не было грехов прошлого. Итальянцы покорили Абиссинию, японцы – Корею. Счастье Америки основывалось на уничтожении красной расы, Англия и Франция были тогда самыми большими колонизаторами мира. Уже в 1919 году весь их отказ пасовал немцам мяч. Теперь *они* были призванными передовыми бойцами, и право на самоопределение становилось средством, чтобы снять мир с крючка. Если они предали это, то они предали тем самым самих себя и отвергли всех, кто был готов следовать за ними. Ради того права они приступили к делу. С гарантированным вниманием им предстоял и вначале следовал их успех. Так как только на доверии восточных народов к приносимому немцами лучшему порядку, только на реальной помощи сначала сотнями тысяч стекающихся к немцам русских и украинцев – и только на этом – основывался шанс завершить прорыв Вермахта в глубины востока и сделать Германию и вместе с тем Европу неприступной.

В обширной не скованной никакими границами встрече немцев и славян, в скрещивании их сфер жизни подобному встрече арабов и берберов в Северной Африке лежала возможность большей, достигающей глубин Сибири, Европы.

Именно немцы и русские должны были во всем дополнить друг друга. Спиной в спине они были непреодолимы: „двум народам, – по словам Достоевского – „суждено изменить лицо мира“. «Германия», так он писал, „нуждается в нас для тесного союза. Ее поле – это западный мир, но нам она предоставляет восток“. Так как руководства обоих государств не справились со своей задачей, немецкое в 1941 году, русское 4 года спустя, Европа также и дальше оставалась без необходимого пространства для свободы действий, а Россия по-прежнему не имела свободного доступа к океану. Но то, что следовало бы на той войне сломать, и с чем нужно было бы покончить, однако, осталось: преобладание англосаксонских морских держав и их непрерывное вмешательство в дела суши. Его срок продлился на десятилетия.

Как раз России сотрудничество с ними не давало в итоге пригодного решения. Решение лежало наоборот, в союзе с полуостровом: Суша с сушей как на другой стороне остров с островом.

Немецко-русская связь была противоположным подобием британско-американской. Хотя Берлин, Прага, Будапешт, София были взяты русскими в 1945 году, но Копенгаген, Гамбург, Константинополь – прорыв к открытому морю – остался прегражденным, Рейн не перейден, сердцевина полуострова не достигнута. Также и теперь Россия оставалась пленницей своего континента. Союз господствующей морской державы и господствующей континентальной державы был противоестественен,

абсурден. На длительный срок ни преобладанию на суше, ни преобладание на море не дополняли друг друга. Обе державы хотят побережья, но только одна может иметь их. Дорога к Атлантике вела через немцев. На стороне морских держав немцы преграждали России эту дорогу. Как союзники России они становились ее продленной рукой. Если бы Берлин и Петербург были едины, в мире не было равной им силы. Они тогда могли, с одной стороны, держать под угрозой Европу, с другой стороны – Азию. Сотрудничество с Германией было более рациональным для России, чем сотрудничество с англосаксонской морской державой.

Могильщик Европы

С началом двадцатого столетия навсегда ушло в прошлое время «полезных» внутриевропейских войн. То, что это не было понято своевременно, было роковой ошибкой тогдашних французских, а также, прежде всего, британских политиков. Армии и флоты попали на буксир их заокеанских поставщиков. А те, в свою очередь, войдя в бизнес, были весьма заинтересованы в затягивании их войны до самой поздней возможной даты.

Каждый конфликт между великими державами Европы, вне зависимости от того, кто в конце концов был «победителем», а кто «побежденным», каждое вмешательство Америки на европейских полях сражений, безразлично в чью пользу, оканчивался исключительно ущербом участвующих европейцев, ущербом для их силы, развития, благосостояния, свободы и независимости.

«Если бы американцы остались дома, все же, в 1916 году и занимались бы только своими собственными делами» – заметил Черчилль еще в 1936 году представителю газеты *New York Requirer*, «тогда бы мы еще в 1917 году заключили мир с Центральными державами и один миллион британских и французских солдат остался бы жив»; констатация, которая не помешало Черчиллю позднее, со своей стороны открыть настезь двери американской политике, когда он при ее желании дал ей шанс достичь куда больших успехов, чем то, что случилось во время Первой мировой войны. Своего предшественника Чемберлена, который во избежание любой новой войны старался любой ценой спасти Британскую мировую империю от угрожающего распада и не хотел давать смертоносных для этой империи гарантий Польше, Черчилль настойчиво кусал в спину, уж больно он хотел раздуть эту войну, которая столь желательной была для Белого дома, что она тогда и действительно началась. Как верный наместник Рузвельта – так Шарль де Голль называл его – Черчилль стал своего рода самым успешным могильщиком не только британской мировой империи, но вместе с ним также и всех других европейских империй с колониальными владениями и, наконец, самой европейской независимости. Только русская сфера власти и снова за счет Европы смогла расширяться. Но русский народ заплатил за это больше чем кто-либо другой своей кровью и дальнейшим существованием его внутренней независимости. Потому настоящие победители также и в этой второй войне были только на другой стороне Атлантики, ибо хозяева в Кремле были лишь несведущими пособниками американского доминирования. Так как, несмотря на все свое сильное вооружение, Россия оставалась и в даль-

нейшем неспособной играть подходящую ей роль. Эта роль, которая давно больше не была лишь ролью чистой силы, могла бы в сущности быть теперь немецкой и европейской, и только через Берлин и Париж уже всемирной: начиная с открытия всех границ от Владивостока до Лиссабона и Гибралтара.

Противоположность полушарий

Географически кусок Азии, политически часть западного мира, Европа образует настоящее место контакта обоих всемирных островов – американского и афроазиатского – и лежит вместе с тем в поле напряжения океанской и континентальной мировых держав, одна – воплощенная в Соединенных Штатах, другая – в СССР. Их существенное различие характеризуется гораздо более выгодным для всемирного морского господства видом западного острова, ведь сравнительно небольшая протяженность с запада на восток (Нью-Йорк – Сан-Франциско 4000 км) делает, все же, владение обоими океанами куда более легким, чем для вдвое большей Евразии (от Бордо до Владивостока расстояние примерно 9000 км).

В Новом Свете от Канады до Колумбии лежат не меньше чем девять государств одновременно на берегах двух океанов, в Старом Свете такой особенностью обладает только одна Южно-Африканская Республика.

Это преимущество Америки еще значительно усиливается коротким расстоянием от Северной Америки до Южной Америки. Оно охватывает чистую длину Панамского канала, это 80 км, с которой сравним расстояние по ту сторону Атлантики, от Гибралтара до Адена – оно почти в 80 раз больше, а именно составляет более 6000 км (схема 6).

Но мировое господство – это, прежде всего, морское господство. Страна принадлежит тому, который владеет путями, а моря – это пути мира. Поэтому превосходство господствующих морских держав является неизменным. Как ответвление такой державы возникли Соединенные Штаты, как колония, основанная над морем и вдоль побережья. Оттуда белые незваные гости теснили проживающих здесь до той поры в одиночестве индейцев все дальше вглубь суши и не остановились, прежде чем между Атлантикой и Тихим океаном не осталось больше ни одного клочка земли, принадлежавшего еще его законным хозяевам.

Чтобы избавиться от них, не требовались профессиональные палачи. Белые поселенцы выполняли дело искоренения по своей собственной инициативе так же основательно как с бобрами и буйволами. Они делали это порохом и свинцом, водкой и постоянными нарушениями договора. Только тут и там военная акция умиротворения давала сдачу лишенным наследства.

Расовое большинство уничтожило расовое меньшинство и заблокировало его скудные остатки как музейные экспонаты в «резервациях». Для возражений туземцев не было законов и судов. До тех пор пока процесс лишения их собственности еще продолжался, для их защиты не существовало ни закона, ни судьи, ни обвинителя,

ни адвоката. Также и обращение в христианство не помогло им: «Мертвый индеец – это хороший индеец!» Это был самый превосходный геноцид истории, и, кроме того, самый окупившийся.

Если им требовалось для этого оправдание, они могли просто назвать себя наследниками двенадцати колен Израилевых. Бог Ветхого завета снова и снова облегчал совесть народу усердных читателей библии, которая нуждалась в этом, чтобы даже в спланированной войне против женщин и детей заметить плодотворный взнос в скорейшее умиротворение вождельных или объявленных вне закона стран, безразлично, будь то в прериях американского запада, в концентрационных лагерях Англо-бурской войны, будь то в голодной блокаде Первой мировой войны или террористических налетах Второй мировой вместе с атомными бомбами, сброшенными на Хиросиму и Нагасаки. Если на карту были поставлены собственные интересы, то подходящие предлоги всегда были под рукой.

Два мировых острова

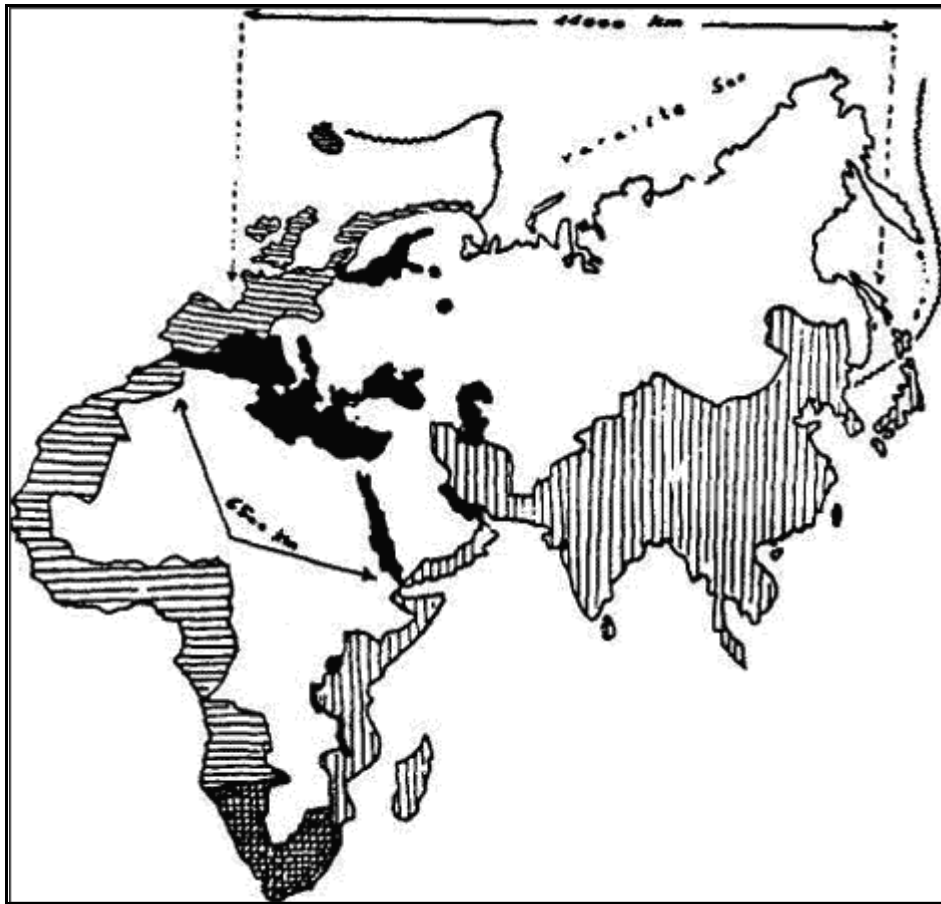
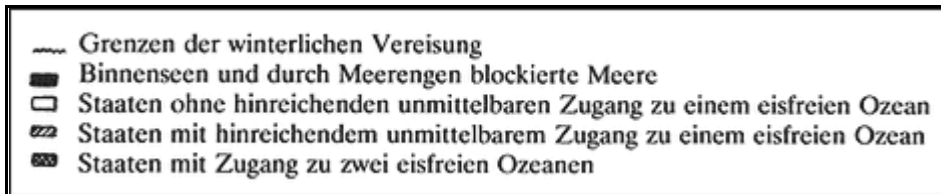

Схема 6

Границы зимнего замерзания морей

Внутренние или из-за проливов блокированные моря

Государства без достаточного непосредственного доступа к незамерзающему океану

Государства с достаточным непосредственным доступом к незамерзающему океану

Государства с доступом к двум незамерзающим океанам

Если одного лишь имени Иеговы в двадцатом веке больше не было достаточно для этого, тем временем появились другие, готовые заменить его: деньги, прогресс, цивилизация, мир во всем мире, демократия...

Преграда Европа

Если Соединенные Штаты росли при этом от моря к морю, то их сегодняшний противник Россия росла из самой внутренней суши в сторону ее краев. Однако она почти что нигде не достигла этих краев, а именно открытых, незамерзающих океанов,

до сегодняшнего дня – не достигла и там, где с самого начала этот океан лежал ближе всего, где дороги были ровны и гавани были самыми многочисленными. У русских не было счастья американцев. На западе от них лежала не полупустая индейская земля, а Европа, и на эту Европу империя царей с начала своего развития смотрела как на сперва кажущуюся непреодолимой преграду.

Тем не менее, это не смогло уменьшить ее притязаний на доминирование: «Москва – это третий Рим, и четвертому не бывать». Эти слова монаха-пророка прозвучали уже в 1510 году, за 200 лет до Петра Великого, за 400 лет до Сталина.

На востоке эти притязания привели к беспримерной скачке. Еще за двести лет до того, как первые янки заняли Калифорнию, посланные Кремлем казаки стояли на американском берегу Тихого океана.

Когда они поставили там, на удалении почти 6000 км от Москвы, уже в 1639 году царское знамя, их держава в другом конце Евразии не коснулась ни Балтийского моря, ни Черного моря; ее западная граница находилась всего лишь в 240 км от стен столицы.

Европа не была Сибирью⁶. Она была серединой мира. О геноциде по американскому образцу здесь нельзя было и подумать. Если ее вообще можно было подчинить, то только шаг за шагом и при настойчивом использовании постоянных разногласий европейских народов и часто удивительной близорукости их правительств. Однако, это не могло произойти за срок одной или двух человеческих жизней. Для этого требовалось терпение столетий.

Натиск России на запад

Все дело было в Европе. Она была даже не материком, а только его частью, она принадлежала к России, как голова принадлежит к шее и плечам. Она была его естественным продолжением, его сильно расчлененное побережье было правильным дополнением однообразной сарматской земельной массы⁷. Прежде всего, однако: это был доступ к миру. Кроме того, как больше всего открытый морям ландшафт северного полушария она группировала все континентальные земли планеты – кроме Австралии и Антарктиды – вокруг себя как втулка колеса – его спицы (ср. схему 7).

В силу необходимости империя царей, несмотря на ее дешевые приобретения в Азии, была, прежде всего, направлена на распространение на запад, Европа была всегда первой и настоящей целью; здесь в любое время находился самый приоритетный фронт. Следовательно, цари никогда также не думали перенести свою столицу из непосредственной близости Европы дальше на Восток, например, за Волгу или в середину их империи, на Обь или Енисей. И уже ее первый наследник Ленин очень прямо заявил: «Если революция победила, она перенесет свою штаб-квартиру из Москвы в Берлин!»

В действительно российской политике посредством почти стереотипно повторяющегося процесса продолжающихся разделов

- сначала поделить Украину с поляками
- потом разделить Польшу с немцами
- в конце концов разделить саму Германию с союзниками

удалось обосновываться сначала на Балтийском море, а затем в Черном море и в то же время – всегда в искусном сотрудничестве с соответствующими соседями соседей – по очереди перейти сперва Днепр и Двину, затем Неман и Вислу и, наконец, даже Одер и Эльбу.

Так, двигаясь от реки к реке, Россия суживала сферу жизни европейцев все больше и больше. Россия приобретала земли, Европа их теряла и, наконец, утратила так много, что отстаивание ею своих прав сегодня поставлено под серьезное сомнение. То, что это утверждение своей самостоятельности по отношению к Москве пока что – и то лишь частично – возможно, за это Европа должна благодарить лишь поддержку Соединенных Штатов. И это тоже обошлось Европе в неслыханно высокую цену. Московское продвижение было слишком медленным, чтобы можно было предупредить его.

Перекресток Земли

Схема 7

Европа обозначает середину четырех континентов – Азии, Африки, Северной Америки и Южной Америки. Она лежит в точке пересечения самых коротких наземных и морских путей, связывающих Старый Свет с Новым Светом.

Русский паровой каток (1667 – 1945)

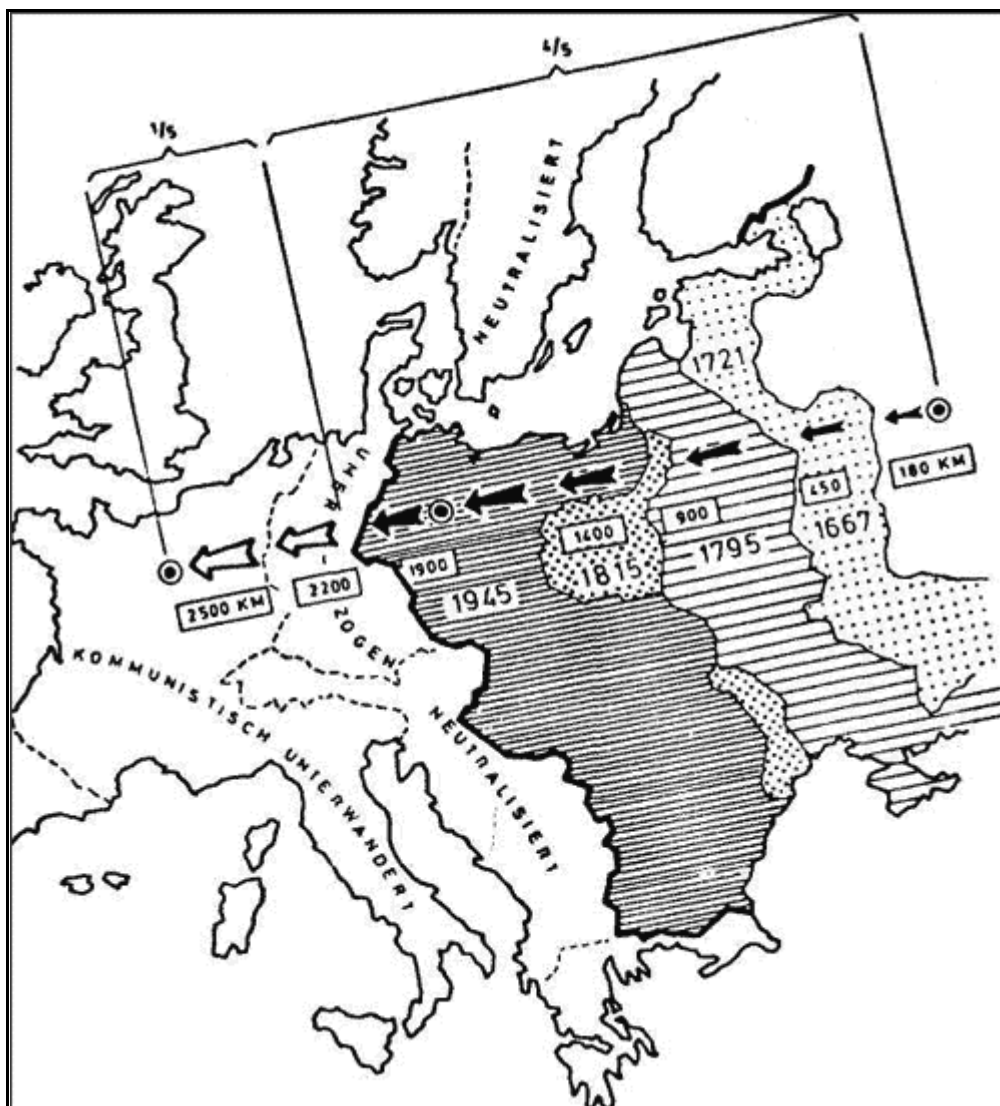

Схема 8

За 280 лет московская сфера власти приблизилась к западу Европы на целых 2200 км или на 4/5 расстояния от Москвы до Парижа. До Парижа оставалось лишь 580 км, до Гамбурга только 50, до Стамбула 150. Россию продвинулась до рубежей атаки на Северном море и на Средиземном море.

Преимущество морского господства

Тогда как американцы в своем сравнимом с русским стремлении на запад по всей ширине Тихого океана уже в 1854 году добились от японцев открытия их морских портов, когда они в 1898 году высадились на Филиппины, в 1945 – в Корее и на Японских островах, и позже во Вьетнаме, русским, чтобы добраться от Москвы до

Тюрингии, потребовалось целых триста лет, да и этого они достигли благодаря помощи европейцев, а в последнем случае – даже американцев. Если американцы вели войны своими кораблями, своей стальной индустрией и своими консервами, то европейцы и русские воевали своими людьми. Потому и столь различные потери.

Обе мировые войны привели американцев к рубежу мирового господства ценой всего только 287.000 погибших, тогда как русским их достижения стоили многих миллионов жертв! Вследствие этого Советский Союз с 1945 года вооружается для войны на море как никакое другое государство. Но корабли нуждаются в гаванях, они нуждаются, прежде всего, в собственной стране с собственными железными и автомобильными дорогами, с заводами и мастерскими в тылу, и все это им нужно там, где чужие страны не могли бы их блокировать. Одного Мурманска не достаточно.

В этом отношении, Балтийское море и Черное море в случае войны будут так долго заблокированы, пока, кроме Копенгагена, Босфора и Дарданелл, также Гибралтар, Суэцкий канал и Аден не окажутся надежно в руках русских.

Это значит: России следовало бы идти через всю Скандинавию и Западную Европу, через все побережья Средиземного и Красного морей, чтобы оказаться с точки зрения морской стратегии в таком же положении что и Соединенные Штаты благодаря их господству над Панамским каналом и над своим собственным атлантическим побережьем.

Все-таки – те 1800 км от Москвы до Вартбурга были уже четыремя пятыми частями дороги Москва-Париж. Справа и слева от этой линии русские стоят почти перед своими целями: всего 50 км отделяют их от Гамбурга, 130 км от Копенгагена, 370 км от Роттердама, 150 км от Стамбула и Дарданелл и 80 км от Салоник.

Щит и меч Европы

В то время как Россия в ее марше от реки Москва до реки Верры поднялась до положения мировой державы, из четырех прежних великих держав Европы обе западные – Англия и Франция деградировали до положения больших мелких государств (региональных держав – прим. перев.), обе восточные, Пруссия и Австрийская империя, вообще сошли с дистанции. Однако, с исчезновением этих двух стран уже была преодолена самая тяжелая преграда; со своими тремя передовыми бастионами – Восточной Пруссией, Силезией и Трансильванией и лежащей за ними природной цитаделью Богемией обе немецкие великие державы образовывали единственно надежную защиту Европы на восточном направлении. Потребовались две мировые войны и усилия почти всего остального мира, чтобы один за другим разрушить здесь щит и меч запада и открыть свободный путь внутрь европейского полуострова для московской державы.

Пленник своего континента в 1978 году

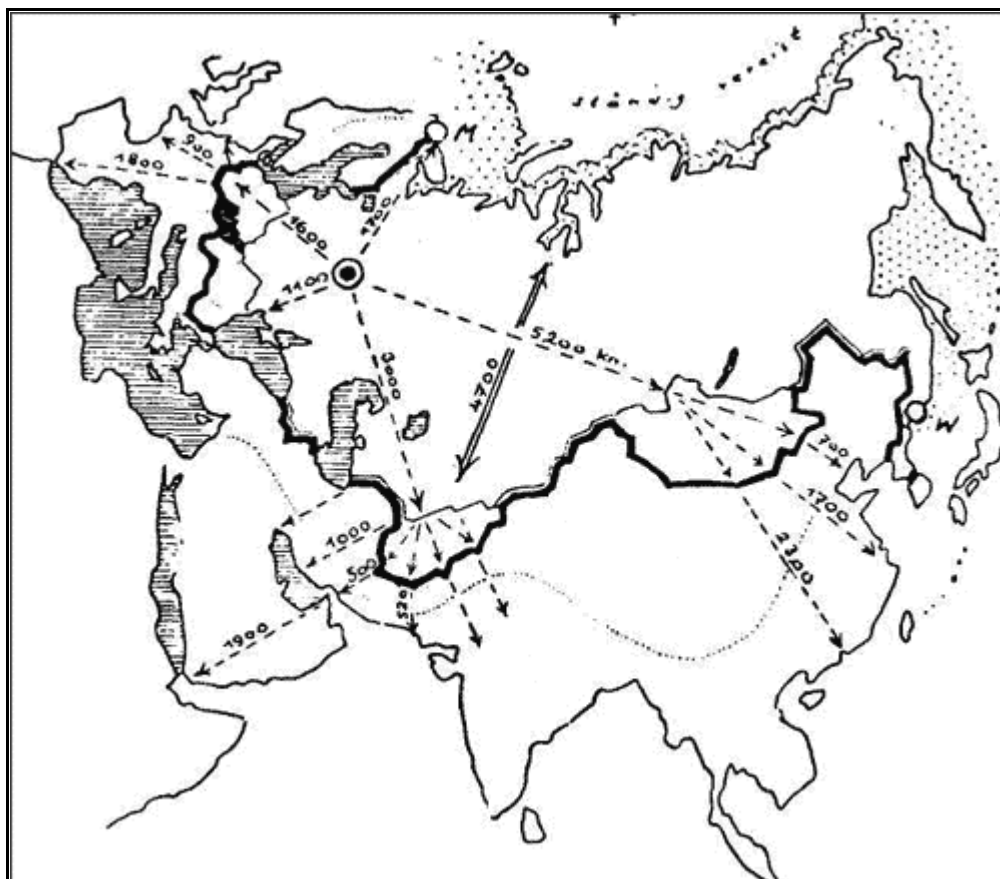

Схема 9

М — Мурманск
W — Владивосток

С удавшимся переворотом в Кабуле 1978 год приносит российской великой империи ожидавшийся еще царями прорыв к Иранскому нагорью. Россия продвигается на 700 км на юг, на 430 км приближается к Индийскому океану, и протискивается также между индийско-восточноазиатским и европейским мирами. Из расстояния в 4700 км от устья реки Обь до Индийского океана только лишь эти последние 430 км на нынешний момент не в руках русских.

Помимо них отсутствует еще и срочно необходимая гавань, отсутствует ожидаемая разгрузка Владивостока, Севастополя и Мурманска, отсутствует столь необходимая для поддержки действующих в Индийском океане соединений советского флота база, соединенная с родиной земным путем.

Как только пали эти державы и с ними гибеллинская имперская мысль, речь на европейском континенте шла больше не о государствах, а только лишь о субстанции, о народах. Государства позволили «сменить себе функцию». Тот, кто хотел захватить Европу, ни в коем случае не мог ущемлять собственный вес этих сменивших свое назначение государств. Они, государства, – а не народы – всегда были преградой на пути любого объединения Европы. Сталин благоразумно не тронул госу-

дарства Европы и не передвигал их границы между собой – кроме немецких. Столь же определенно Брежнев при подписании Московского договора потребовал «неприкосновенности» этих европейских границ. Зачем их устранять? Чем больше существует в Европе несправедливых границ, тем лучше. В Европе их столь же много, как и в Африке. В них скрыты уже заготовленные клетки. Борьба идет не против них, она идет против настоящих носителей Европы, против самосознания, уверенности в себе народов и их элит. Однако, эти элиты были присоединены не к составу государств, а к нациям, к духовному наследию, не к управляющими ими административным аппаратам.

Этнографический бастион

До Второй мировой войны продвижение вперед русской империи происходило в формах, привычных в обществе оседлых наций. Они нападали, делили, занимали и подчиняли чужие страны, принуждали подчиненных собственным законом, но оставляли их во владении своей родины. Государственные границы сдвигались снова и снова, но народные границы, однако, оставались там, где они были всегда. Прогоняли королей и их солдат, но не крестьян и горожан.

Так это было до тех пор, пока Сталин не потребовал в Тегеране и Ялте изгнания восточных немцев и судетских немцев. Вероятно, никто из его партнеров не понял, в чем тут на самом деле было дело. Сталин предвидел, между тем, очень хорошо, какие камни ему нужно выломать из фундамента Европы, чтобы, в конце концов, обрушить все здание.

Щит и меч Европы

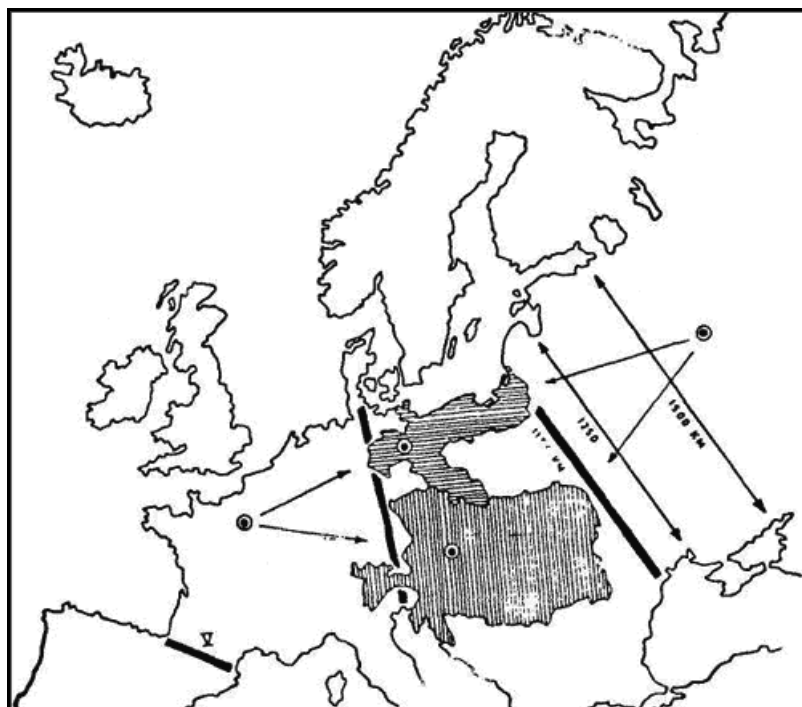

Схема 10

В новейшее время Европу на востоке прикрывали две великие державы: Австрия и Пруссия; последняя занимала ключевое положение на прямом пути от Москвы до Парижа. Австрия обеспечивала его фланговое прикрытие за Карпатами. Схема показывает границы 1772 года.

В течение столетий западная Европа создала систему взаимно подпирających друг друга бастионов на ее единственном сухопутном фронте. Несколько выдвинутые уступами вперед на флангах, в середине – как для перехвата очередного исходящего из лона азиатских степей нападения – несколько оттянутые назад, эти передовые позиции неславянского запада тянулись от тогда еще шведской Финляндии через северные владения Тевтонского ордена до его южных владений в Трансильвании. В середине лежала, образуя мост на Запад через Померанию, орденская страна Пруссия, южнее, несколько сдвинутая назад и опиравшаяся спиной на центр Рейха в Богемии немецкая Силезия, затем еще южнее, уже на краю Альп, Трансильвания и – напротив Карпат: Восточная марка, Остмарк (предшественница Австрии – прим. перев.). На Балтийском море эти передовые позиции шведов и немцев подпирались непрерывно следующими друг за другом жизненными пространствами финнов, эстонцев, латышей и литовцев, в Дунайских землях – пространствами венгров и румын, семь веков отражали любой удар из глубины славянского пространства против расположенных к западу от Эльбы корневых областей запада и до первых разделов Польши срывали все попытки включения западно-славянских и южно-славянских народов во всероссийский государственный союз. С русской точки зрения эти фланкирующие друг друга цепи неславянских народов и подпирające их и в то же время связывающие районы поселений восточно-немецких и юго-восточно-немецких народностей образовывали связную систему чужих предместных укреплений на сарматской земле, даже благодаря одному своему расположению на глобусе predeterminedенную угрожать претензиям царей (схема 8).

Падение бастиона

С другой стороны, как раз это расположение влекло за собой, что в случае крайнем необходимости достаточно было устранить только два этих предместных укрепления, чтобы повернуть обращенное на восток острие копья океанской Европы в угрожающую уже самой внутренней Европе исходную позицию для наступления Кремля.

Нужно было только сначала вырвать из этой связки Восточную Пруссию с Померанией, а затем Силезию с Судетами и заменить их немецкое население на славянское.

Стоило сделать и то и другое, то оба зажима, которые приковали поляков и чехов с севера и юга к западной Европе, потеряли свою силу; мост к Балтике был сломан, и эстонцы, латыши и литовцы в одиночку пытались вести уже только бесперспективную борьбу. Кроме того, немцев лишили их житницы и половины побережья,

прижали их в их массе к французской границе и сжали при этом и так уже переполненную Европу еще на 600 км.

Трое клещей

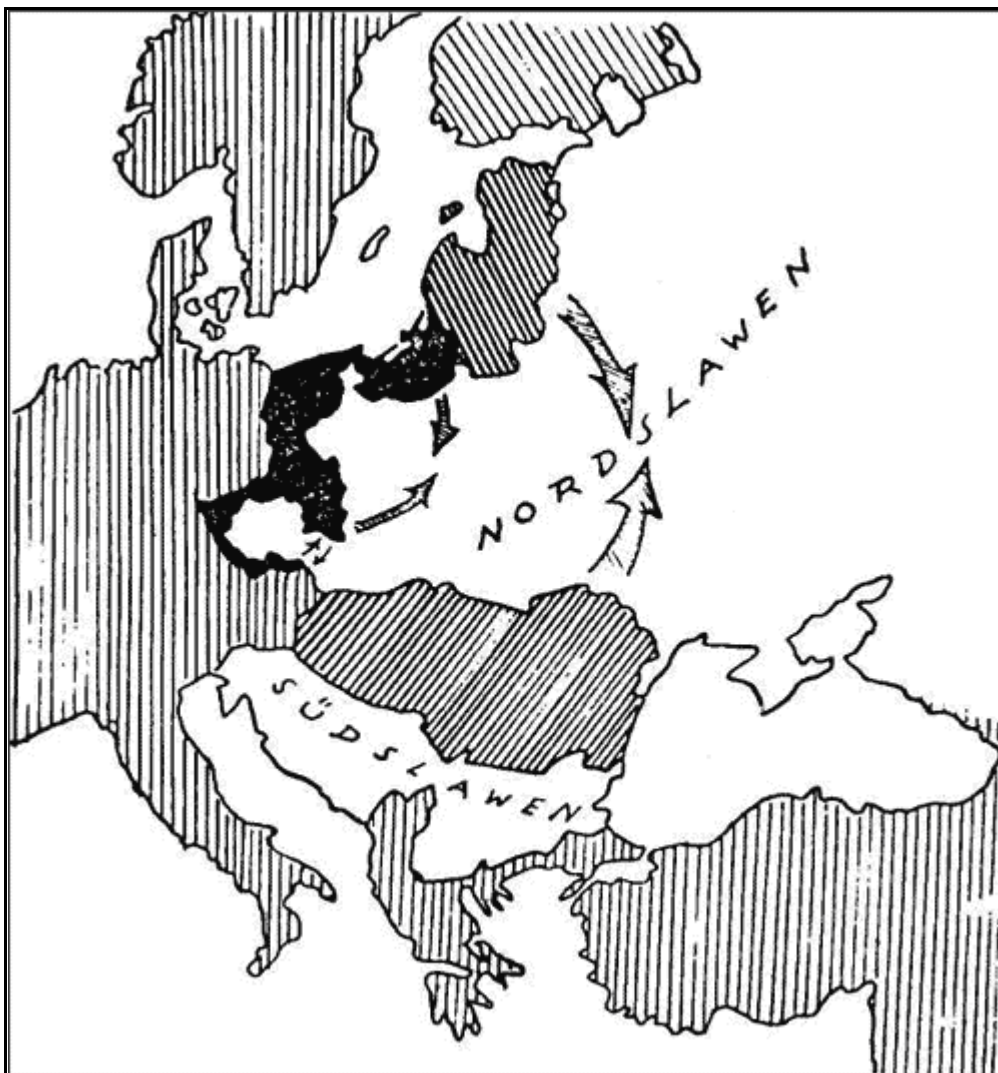
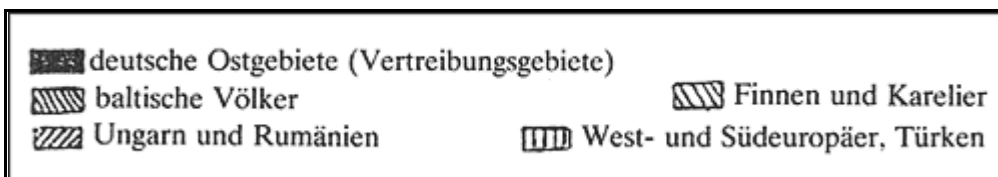

Схема 11

Немецкие восточные территории (с которых немцы были изгнаны)

Балтийские народы

Финны и карелы

Венгрия и Румыния

Западные и южные европейцы, турки

До 1945 года обе лежащие друг напротив друга как угловые столбы ворот армии народов северо-восточных немцев, литовцев, латышей, эстонцев и финнов с одной стороны и юго-восточных немцев, венгров и румын с другой стороны охраняли путь от Балтийского моря в Европу. У немцев в щипцах между Нижней Австрией и Силезией были чехи, между Силези-

ей и Восточной Пруссией поляки, вместе с другими упомянутыми народами, однако, кроме того, еще и совокупность давящих на запад славян. В результате изгнания восточных немцев северная рука народов была сломана, балтийские народы оторваны от запада, трое щипцов ликвидированы. Дорога в Европу свободна.

Трое щипцов

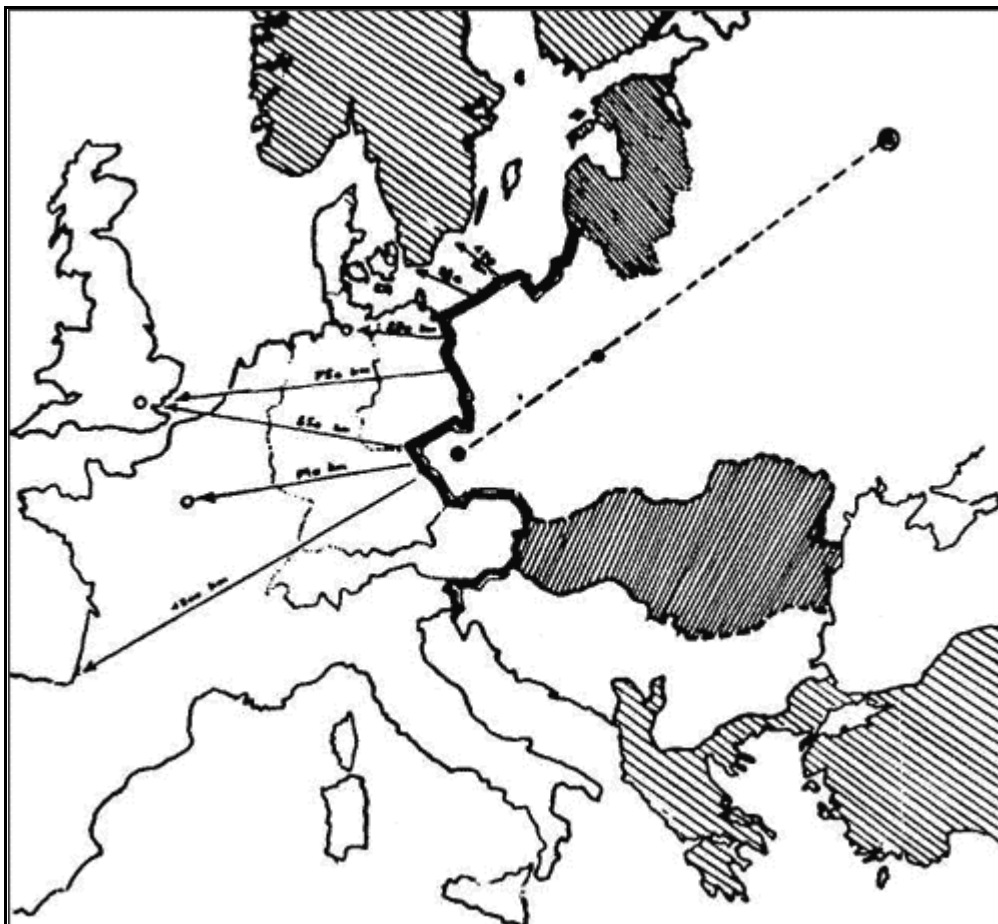

Схема 12

	Osteuropäische nichtslawische Randvölker
	Nord- und südosteuropäische Randvölker
	Vorderer Rand der allslawischen Ausfallstellung

Восточноевропейские неславянские окраинные народы

Северо- и юго-восточноевропейские окраинные народы

Передний край общеславянской позиции для наступления

Вместо этого они (славяне – прим. перев.) сами сидели – теперь с Одером и Нейсе (вместо прежде только Мемеля (Клайпеды – прим. перев.)) в качестве прочной поддержки – в очищенной от врага богемской цитадели, на западе продвинувшись

дальше Вены и Берлина, на севере на одинаковой высоте со Скандинавией, на юге – с Адриатическим морем.

Прежде никогда не преодолевавшийся вал Карпат уже давно остался у них в тылу, и перед ними, как последний еще достигнутый этап, остаток, лежала собственно корневая, центральная область европейцев от реки Майн до Пиренеев. Все это было достигнуто двумя короткими линиями на географической карте: Одер-Нейсе и горный гребень Богемского леса.

У европейцев забрали то, чего им всегда больше всего не хватало, их пространство и их свободу передвижения; если даже они сами не хотят это воспринимать, чем больше проходит времени, тем более важным становится то, что они так легкомысленно бросили. Земли уже не хватает, не только земли под ногами людей, но также и питьевой воды и кислорода в воздухе. Только тот, у кого все это еще есть в изобилии, имеет перспективу существования в будущем.

Право на изгнание

Стратегия Сталина по отношению к Черчиллю и по отношению к Рузвельту тоже соответствовала правилам игры «го». То, что он на конференциях в Тегеране и Ялте, на первый взгляд, отобрал только у немцев, того же в действительности он лишил уже и его партнеров. Пока те с азартом все еще продолжали доигрывать старую партию Второй мировой войны, он давно начал игру против них самих. Одно только мероприятие изгнания существенно ухудшало, хотя они и не замечали этого, положение океанских держав.

К беде англосаксов изгнание немцев разрушало этнографическое равновесие на европейском полуострове и в то же время подрывало их положение на моральном уровне, ведь им пришлось – с учетом факта безвозмездного выселения более пятнадцати миллионов граждан вражеской страны – открыто отречься от тех самых прав человека, ради которых они якобы там усердно, по их утверждениям, вели обе мировые войны.

Вопреки смыслу любого, также и их собственного права Сталин принудил их, чтобы они позволили заплатить определенной и выбранной исключительно исходя из точки зрения стратегии части немцев за поражение всех, для чего ему удалось добиться для себя особого права вне норм прежнего военного и международного права – а именно права на изгнание. Чем он снова разрушил – осознанно предрешая похожие мероприятия будущих победителей – все, что на этом субконтиненте до сих пор воспринималось и действовало как право победителя. Когда он в полном масштабе включал в правопорядок теперь также и европейских народов ту несправедливость, которую прежде применяли разве что по отношению к индейцам, Сталин отнял у этих народов безопасность их существования и вместо нее поселил в их сердцах страх.

Даже если отдельный человек может успешно изгонять такие мысли из своей головы, но после 1945 года каждый европеец знает, что при случае у него можно будет отобрать все, в том числе и тот клочок земли, с которого он живет, и на котором родился он и его родные.

Создание тайного страха, так называемое «смущение» противника, вселение в него чувства неуверенности – это один из самых важных методов предварительной подготовки любой психологической войны. Наряду со всем прочим, что еще было целью этой акции, изгнание немцев из заселенных ими восточных и юго-восточных районов, а также сопутствующие обстоятельства, при которых происходило это изгнание – ведь жестокость это тоже оружие! – были частью долгосрочной стратегии психологической войны.

Когда европейцы приняли это изгнание, а международное право его признало, то не только вся Европа получила удар, гораздо более сильный, чем при поражениях под Полтавой (1709), на Березине (1812) или в Сталинграде (1943), но и весь так называемый свободный Запад. Кремль еще не потребовал расплаты. Он сделает это, когда посчитает, что время для этого пришло.

Ошибочная карта

Но как бы хорошо мероприятие изгнания не подходило также и для того, чтобы уже заранее пошатнуть моральную платформу будущих противников, однако свою непосредственную задачу – ускорить проникновение России внутрь европейского полуострова путем выдвижения западно-славянских народов – оно не выполнила. Покровительство панславизму оказалось ошибочной предпосылкой. Если Сталин более чем отчетливо распознал ключевую позицию обеих земель – Восточной Пруссии и Силезии – в восточноевропейской мозаике народов, то он, тем не менее, упустил при этом из виду более важную целую Германию и затем – в своеобразном отклонении от учения Ленина – в решающее мгновение действовал в гораздо большей степени как односторонний защитник славянства, чем как мыслящий мировыми категориями коммунист. Действительно за прошедшее время, как оказалось, не стали образцовыми сателлитами ни поляки, ни чехи, а – кроме Болгарии – исключительно «Германская Демократическая Республика». Хрущёв позже сильно порицал Сталина за его ошибку и упрекал его в том, что он-де «не понял немцев». Но теперь беда уже случилась. Изгнание вредило не оставшимся союзникам частям Германии – наоборот: изгнанные немцы дали западным землям недостающие там рабочие руки – а собственной, оккупированной Советами зоне. Если она все же, с численностью населения всего 17 миллионов человек, без помощи плана Маршалла и несмотря на все принудительные кровопускания, благодаря ничему иному кроме прилежания и трудолюбия ее жителей, все-таки стала девятым ведущим промышленным государством мира, то легко можно подсчитать, какого экономического значения она достигла бы для Москвы, если бы у нее не отобрали ее немецкие восточные и судетские территории и с ними 16 миллионов человек, ее угольные шахты, промышленные и сельскохозяйственными мощностями, не говоря уже о политической ударной силе такой коммунистической Германии, которая была бы

вдвое больше нынешней ГДР! «Кто владеет Германией, тот владеет Европой» – недвусмысленно заявлял Ленин. Германия – это поворотный круг Европы, вход и проход с дверями в разные стороны. Только заполучить ее можно было исключительно с немцами, а не *против* них. Роковым просчетом Гитлера считается его желание захватить Россию без русских. Но ведь Сталин совершил потом точно такую же ошибку по отношению к Германии. Россия тем самым потеряла как минимум сорок лет на пути к Атлантике.

Поделенная пополам ГДР

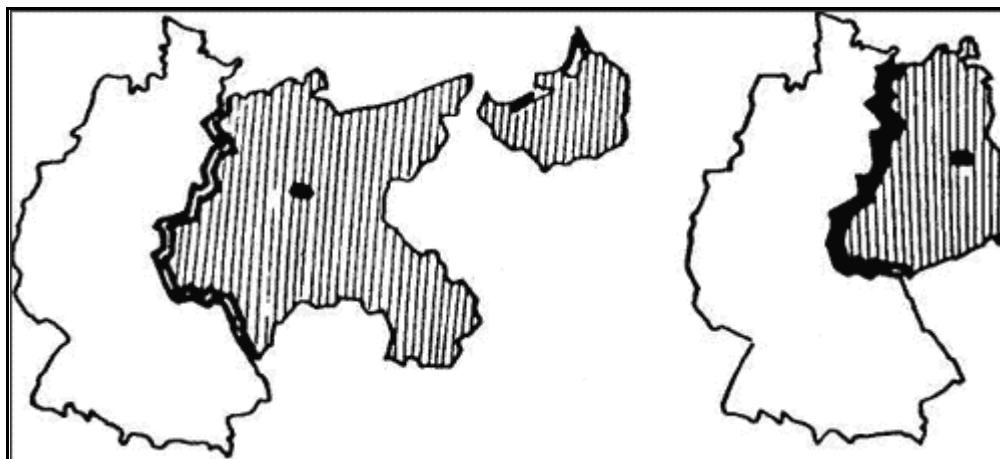

Схема 13

Изгнание восточных немцев и судетских немцев лишило ГДР больше чем половины ее населения. Во вред советской германской политики оно не дало возможности создать единое восточногерманское коммунистическое государство-сателлит, которое с самого начала было бы равноценным ФРГ с точки зрения экономического и политического веса.

Большое пространство Северной Евразии

Самая главная опасность для Европы в первую очередь все еще исходит от России, только после этого и только в виде контрудара – от Америки. То, о чем речь шла еще во времена Петра Великого и что действует еще и сегодня, – поверх всех прочих противоположностей – это баланс, уравнивание континентальной и океанской силы. У европейцев есть побережье, у русских глубокий тыл. Только их объединение даст в итоге, что для Америки давно является само собой разумеющимся: объединенное большое пространство от океана к океану.

Однажды было сказано, что либо Европа должна захватить Россию, либо Россия Европу, и мира якобы не могло бы быть, прежде чем удалось бы или то, или другое. Тем не менее, законы пространства были бы также удовлетворены, если бы обе силы договорились о совместном господстве. Всегда, однако, сильный делится только с сильным. Для такого сотрудничества потребовалось бы равноценные силы, и равноценным будет только тот, кого, очевидно, невозможно будет одолеть. Предпосылкой всемирно-политической дружбы является признанная бесперспективность взаимного подчинения.

В большинстве случаев к такой точке зрения партнера приходится принуждать силой. Россия до сего момента смогла трижды сделать это: в 1709, 1813 и 1943 годах, Европа лишь однажды: в 1914 – 1917. Год 1917 обозначает единственное масштабное наступление, на которое Россия когда-либо по собственному почину решилась против Европы. При этом эта задача оказалась ей не по силам. Несмотря на все облегчающие ее положение атаки союзников это связанное с огромными потерями большое наступление уже в том же 1917 году привело Россию к ее полному как военному, так и политическому краху.

Наследники последнего царя вряд ли захотели бы повторить его ошибку. Они не будут нападать на вооруженную до зубов Европу, не будут, несмотря на все козыри, которые, как они считают – благодаря западной неумелости – сегодня у них в руках. В 1914 году Рейх Бисмарка и его дунайский союзник еще могли в определенной степени отражать сильный натиск с востока одной лишь левой рукой.

Аналог Европы на юге Африки

С помощью правильной политики в Третьем мире Европа должна была бы мочь сегодня предупреждать любую попытку сделать ее еще более беззащитной против шантажа путем лишения Европы расположенных в странах Третьего мира месторождений полезных ископаемых, столь необходимых для экономики и обороны Европы. Европа и так уже с этой точки зрения подвергается угрозе. Такое вымогательство угрожает ей со стороны обеих сверхдержав. В особенности угрожает оно с того момента, когда им удастся с помощью проводимой ими и в большей или меньшей мере согласованной между собой, а также одобренной Всемирным советом церквей политики против апартеида, а также ожидаемого в результате нее падения белого господства в ЮАР окончательно вступить во владение всеми южноафриканскими видами сырья.

Манхэттен завидует белым Южной Африки из-за получаемых ими за добычу сырья прибылей, Кремль – преимущественно стратегическому значению этой страны. Южная Африка – это аналог Европы на южном полушарии и в то же время ее ахиллесова пята, хотя бы уже из-за поставляемой Европе вокруг Мыса Доброй Надежды нефти.

Политика европейцев не дает пока никакого намека, что они хоть в малейшей степени осознают свою неизменную общность судьбы с белыми Южной Африки. Так как это происходит сегодня, когда государство за государством старается всего лишь дотянуть до следующих выборов, такая Европа в общем и целом представляет собой скорее фактор опасности, нежели безопасности и чуть ли не пространство, приносящее затруднения и хлопоты опекающим его мировым державам.

С другой стороны Европа, независимая с обеих сторон, благодаря собственной целенаправленно примененной силе могла бы дать прикрытие тоже с обоих направлений. Как третья мировая держава она в союзе с четвертой мировой державой в Восточной Азии была бы в состоянии растворить застывшие в 1945 году фронты и

покончить с установленным прежде в Ялте нынешним злосчастным и несправедливым мировым порядком. Вопрос, переживет ли это Европа, образует одно целое с вопросом, может ли она освободиться от чужих влияний. Только у свободной Европы есть обоснованная перспектива выживания. Время требует предпринять необходимые для этого шаги.

При случае Америка может защитить нас от танков Кремля, но Кремль не защитит нас от бомб сердито отступающих американцев. Защиту против и того и другого предлагает только своя собственная сила. Без нее Европа рискует сгореть в огне ее союзников.

Вероятно, эта перспектива подпирает спину европейцам. Европа безопасна в такой мере, в какой она сама этого хочет.

Примечания

1. И то и другое при взгляде из Европы. Для Австралии, Южной Африки, частично также для Америки важнее противоположные направления.

2. Только Австралии, Новая Гвинея, Чили, Аргентина, а также незаселенная Антарктика находятся на новозеландской стороне мира, все прочее на европейской.

3. Отто Мишке, «Капитуляция без войны».

4. Об этом больше рассказано в статье автора в *Deutschen Annalen* в 1972: *Насколько безопасна Европа?*

5. Испании и Португалия образует политически-пространственное единство так же, как и Нидерланды – но также и Польша – с Германией или как Канада с Соединенными Штатами, Персия с Афганистаном, Пакистан с Индией и т.д.

6. Восточное расширение Московского Царства тогда более чем в двадцать раз превосходило его экспансию на Запад. Сегодня оно все еще в 3,5 раза больше. Подчиненная Кремлю территория должна была бы выйти за ее нынешние границы и достичь на юго-западе Дакара, а на юге – Дар-эс-Салама, чтобы перенести удаление от Москвы до Камчатки на Запад и столицу России сделать действительно географическим центром ее империи.

7. Чтобы легче понять приведенные тут мысли, нужно четко установить, что понятие «Европа» не может использоваться в моем исследовании в смысле общепринятой школьной географии. Это общепринятое понятие – Европа собственный континент, его граница Урал – противоречит действительности с любой мыслимой точки зрения. Ни Европа – как например, Австралия или Антарктика – не является сама по себе собственным континентом, а подобно Индии или Аравийскому полуострову представляет собой только субконтинент афро-евразийского двойного острова, ни границы ее не лежат на Урале. Они лежат там, где в узости между Балтийским морем и Черным морем северно-азиатские массы суши теряют свой континентальный характер и получают вместо них характер обусловленного преимущественно оке-

анскими влияниями полуострова. Так как природа отказывает входам в этот полуостров, тем не менее, в тех недвусмысленных барьерах, которые она предоставляет Индостану в форме Гималаев и Аравийскому полуострову в форме Армянского нагорья, то любое точное отделение Европы от «Не-Европы» в переходной зоне ввиду отсутствия естественной преграды к востоку от Балтийского моря и Карпат становится вопросом не просто географии, но политики, почему также излишней становится любая попытка дальше исключительно статично понимать сталкивающиеся здесь понятия Азии, Европы и России. Европа и Азия – это понятия направления. Каждая сила, которая проникает в северно-евразийском поле напряжения с запада на восток – также и сила русских на Дальнем Востоке – «европейская» в этом смысле, а каждая наносящая удар с востока на запад – в том числе снова сила русских и даже выдвинутых ими вперед западных славян – «азиатская». Занятие Порт-Артура и основание Владивостока несло в этом отношении Европу на Дальний Восток, напротив, изгнание восточных немцев и судетских немцев несло Азию – Азию Чингисхана – в Европу.

Некоторые труды барона фон Лохаузена

Die Strategie der Entspannung, R+S-Verl., 1973.

Ein Schritt zum Atlantik, Österr. Landsmannschaft, 1973.

Rußlands Kampf um Afrika (1975)

Mut zur Macht: Denken in Kontinenten (1979)

Strategie des Überlebens (1981)

Zur Lage der Nation, Sinus-Verlag, 1982

Reiten für Rußland: Gespräche Im Sattel, Stocker, 1998

Denken in Völkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur- und Weltgeschichte (2001)

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).